

НАШЕМУ поколению певцов было суждено прийти в Большой театр в напряженный, я бы сказала, критический момент. Уходили артисты — великие музыканты, творчество которых определяло высочайший критерий художественной жизни Большого театра. Созвездие русских теноров — И. С. Козловский, С. Я. Лемешев, Г. М. Налепп, Н. С. Ханаев, Г. Ф. Большаков — блистало в спектаклях. Какая же огромная нужна была смелость, подлинность таланта, точное ощущение своего призвания и полнейшая, бескорытейшая отдача любимому делу, чтобы заменить их в их лучших ролях! И именно этими качествами обладал тогда и обладает теперь народный артист СССР Зураб Иванович Анджапаридзе, пятидесятилетие которого музыкальная общественность страны и все мы, его друзья и коллеги, отмечаем в эти майские дни.

Но что интересно: сейчас, во времени, сквозь призму прожитых лет, особенно ясно осознаешь, сколь значительный вклад сделан Анджапаридзе в развитие нашего оперного дела. И яркое тому доказательство то, что в течение одиннадцати лет его деятельности на сцене Большого театра Союза ССР он был, не только считался, лучшим Германом, лучшим Радамесом, лучшим Хозе. Все, за что брался певец, он создавал — создавал тщательно, неторопливо, с ощущением громадной ответственности и собственного артистического достоинства. Это достоинство проявлялось не в желании быстрого, сверкающего успеха, а в самой манере работать: познать и принять лучшее из того, что было до него; найти свое «я» и себя, не уронив авторитета великих певцов прошлого, на смену которым пришло другое поколение; служить общему с ними идеалу искусства.

Музыка с детства окружала будущего певца. Его мать великолепно пела грузинские народные песни. Но Зураб вовсе не собирался посвящать себя карьере оперного певца. Его мечтой было стать врачом. Но это намерение не могло увести его от истинного, уготованного ему его редким певческим даром пути. И огромная заслуга в раскрытии этого уникального дара принадлежала замечательному педагогу — профессору Давиду Ануладзе, в классе которого Зураб учился. Когда певец заканчивал Тбилисскую консерваторию, то не возникало сомнения, что он будет приглашен в Тбилисский театр оперы и балета имени З. Палиашвили. Но что интересно: в штатном расписании театра не было ни одной вакантной единицы солиста. И директор зачислил Анджапаридзе на должность... пожарника.

Тем не менее именно с этого курьезного случая началась сценическая карьера выдающегося тенора. Путь Анджапаридзе не был легок и гладок, как путь каждого высокоодаренного актера. Нередко поражение сменяло блистательную удачу, а большому, шумному успеху предшествовали годы тщательнейшей, серьезнейшей, не видимой зрителям работы. Впервые со всей силой певец обнаружил прелесть и красоту голоса в партиях Абесаломы в «Абесаломе и Этери» и Малхаза в «Даиси». Определенную роль в его успехе сыграл, очевидно, национальный колорит музыкального языка обоих произведений. Неопытность молодого исполнителя как бы компенсировалась страстностью и яркостью темперамента, взрывом эмоций, которыми он наполнил образы нежного, любящего Абесаломы и по-мальчишески наивного, пылкого Малхаза.

И все-таки именно в Большом театре, я убеждена, Зураб Анджапаридзе раскрыл богатейшие возможности своего певческого и актерского дарования с максимумом отдачи. Великолепные дирижеры, выдающиеся режиссеры, прекрасные певцы-партнеры, пианисты окружали его в Большом театре. И это питало и учило его талант. Я помню подготовку оперы «Аида» Верди, в которой Анджапаридзе пел Радамеса. Александр Шамильевич Мелик-Пашаев проводил репетиции как праздник, к которому надо было быть в форме; и распеть, и хорошо одеть. Мелик-Пашаев от удовлетворения и радости приподнимается на стуле во время спевков «Аиды» — он счастлив: у него прекрасный состав «Аиды», состав, которого он так долго ждал. Как был он счастлив и ласков с Зурабом на спевках: образ прекрасного военачальника выкристаллизовывался в характер сложный, порывистый и глубокий. И кажется, что у Анджапаридзе совсем нет трудностей в этой труднейшей партии мирового репертуара. Ровное звучание во всех регистрах, безупречно чистая интонация, прекрасная дикция — все это способствовало созданию образа, емкого по содержанию и

люди искусства

ПЕВЕЦ И ВРЕМЯ

Ирина АРХИПОВА,

народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии

художественно законченного.

А Хозе! Я помню наши совместные репетиции и мою просьбу: очень хотелось, чтобы некоторые мизансцены, приобретенные во время выступления в этом спектакле Марио Дель Монако, остались на сцене Большого. Помню третий акт «Кармен», где Анджапаридзе был подобен птице соколу. А как звучал голос! Лирическая окраска звука придает голосу Анджапаридзе с его волевыми, мужественными интонациями особую теплоту, а широкая палитра вокальных красок — от мягкой поэтичности до насыщенности острейшим драматизмом — позволяет певцу блестяще раскрывать самые противоречивые, контрастные моменты душевного состояния героя. В «Кармен» голос Анджапаридзе звучит ясно, чисто, в прозрачайшем рисунке отшрифтованной музыкальной фразы, тонко и рельефно очерченной пластической мизансцены. Текст был выверен без свободных привнесных фраз, кроме одной: «Арестуйте меня, пред вами Хозе Наварра», оправданной драматической ситуацией, в которой образ развивался.

Я не видела Зураба Анджапаридзе со стороны — ведь почти все спектакли мы пели вместе, но не могу забыть того необычайно сильного впечатления, которое производило каждое выступление Анджапаридзе в «Кармен» на зрителей.

Вершиной же его сценических работ я считаю Германа в «Пиковой даме» П. И. Чайковского. Этот эмоциональный, горячий, умный, нервный образ Анджапаридзе исполнял музыкально и вокально с совершенством. Характер героя строился не только на яростном выявлении его противоречивых чувств, но, в не меньшей мере, на тонких психологических нюансах, на контрастах, внутренних противопоставлениях, порой невысказанных, но пережитых Германом. Отвергая броские эффекты, Анджапаридзе проникает в самую сердцевину роли, с мастерством артиста-психолога прослеживает потаенные стороны души героя. Безупречная музыкальность и врожденное чувство артистизма позволяют исполнителю не преступить грани художественности в самых сложных сценах, раскрывающих внутренний мир героя. В создании образа Германа сказалось и прекрасное качество певца не проводит границы между пением и драматической игрой, между музыкой и пластическим выражением роли. Единством мысли и чувства, формы и содержания отмечена эта безусловно лучшая работа Анджапаридзе.

Но Герман не заслоняет собой его последующих, не менее значительных сценических свершений. Дмитрий Самозванец, Герцог, Альфред и Дон Карлос — вехи на творческом пути артиста.

Помню огромный успех «Дон Карлоса» Верди на сцене Кремлевского Дворца съездов. Помню образ нервного и прекрасного Карлоса, сыгранного и спетого Анджапаридзе на едином дыхании, а особенно то отчаяние, горе и тоску, которые вкладывал артист в конце первого акта

в свою изумительную игру, и ту кульминационную верхнюю ноту, с которой он убежал со сцены под бурю горячих аплодисментов многотысячного зала. Я как сейчас вижу (ведь это был единственный момент, когда я присутствовала на сцене, не видя зрителью, перед выходом на сцену). Невозможно было оставаться равнодушным к Дон Карлосу — Анджапаридзе: в этой партии певец достигает высот трагедийного, философского искусства.

Работать с Зурабом всегда радостно, петь и играть с ним — истинное творческое наслаждение. Редкий, прекрасный партнер, он верный, преданный и надежный товарищ, друг в самом глубоком, истинном значении этого емкого понятия. А его чуткость, отзывчивость, человеческая доброта известны, думаю, всем, кому довелось, точнее сказать, посчастливилось с ним работать.

Все годы работы в Большом театре — а это, хочу еще раз подчеркнуть, лучшие годы его творчества — он был и остается любимым артистом, любимым своими коллегами и товарищами в коллективе. Вокруг него всегда был народ, особенно молодежь, всегда звучали смех, шутки. И теперь, как только Зураб Анджапаридзе приезжает из Тбилиси, где он в настоящее время выступает в своем родном Театре оперы и балета имени З. Палиашвили, приезжает на спектакли в Большой театр, ему всегда искренне рады.

Расстояние и время отделили нас: мы встречаемся нечасто. Но это вовсе не отдаляет нас друг от друга, а наоборот — ведь огромный кусок творческой жизни мы прошли и прожили вместе на сцене Большого театра. С годами отчетливее отделяешь главное, понимаешь, что мы сами были участниками событий. Многие не замечалось тогда, казалось, не было таким значительным. Вспоминается то, что особенно запало в душу, запечатлелось ярко в памяти. И в числе наиболее волнующих воспоминаний — гастроли Большого театра в Чехословакии, Польше, ГДР, Болгарии, Югославии, Греции, Румынии, в которых участвовал Зураб Анджапаридзе и во время которых ему всегда восторженно рукоплескали. Его Герман, например, вызывал триумфальный успех в Канаде, Франции, в прославленном театре «Ла Скала» в Милане. Избалованная итальянская критика не без удивления отмечала, что Герман — Зураб Анджапаридзе «дает фору многим тенорам авторитетам Италии». А мы, его коллеги и друзья, гордились и гордимся тем, что в Большом театре был такой артист, с которым мне посчастливилось петь не один спектакль.

В дни его юбилея хочется сказать замечательному певцу, артисту, многогранному и блистательному художнику слова самой искренней и нежной дружбы и пожелать крепкого здоровья, успехов, счастья и, конечно, долгого звучания.

● Народный артист СССР
З. Анджапаридзе.